

Глава II. Волны революции (1917–1918 гг.)

1. Вождь местного значения

Крушение Империи в феврале 1917 г. положило начало Великой Российской революции 1917–1921 гг. — небывалым социальным сдвигам и столкновениям. Такие эпохи несут с собой не только всплески агрессивности и насилия, но и огромные возможности для выдвижения на общественную авансцену талантливых людей. А Махно, без сомнения, был талантливым актером социальной сцены, важно было не потерять роль.

Государственная машина распалась, новая — еще только создавалась. У крестьян и рабочих района возникла возможность организовать свою жизнь по собственному усмотрению. В марте в Гуляйполе возвращается Махно. Крестьяне встретили бывшего каторжника как героя, борца за народное счастье. И тут же анархист окунулся в политический водоворот — революция не терпит нерешительных. На этот раз он уже не был рядовым членом группы — тюремное прошлое в этот момент было источником авторитета. Нестор стал лидером, но лишь одним из многочисленных общественных лидеров этих мест. Революция создает перепроизводство политиков — сторонники Временного правительства, националисты, эсеры. Где-то в городах маячили большевики и другие анархисты. Политический выбор на любой вкус. От конкретных политических шагов Махно зависело, пойдут ли за ним крестьяне и рабочие этих мест. И надо отдать Нестору должное — шаги эти были точно рассчитаны. Он чутко вслушивался в требования масс, обращал их в собственную программу, ярко преподносил ее на митингах и воплощал в жизнь. Не в этом ли искусство демократического политика?

В своих действиях Махно опирался на воссозданную группу анархо-коммунистов (далее — ГАК), состоявшую из его еще дореволюционных товарищей. По словам самого Махно, ему оказывали помощь местные учителя. Взгляды ГАК и самого Махно в это время еще очень расплывчаты. Махно и его товарищи находились под общим для анархистов того времени влиянием идей П. А. Кропоткина, понимаемых крайне абстрактно и упрощенно. 1 Выступая перед группой сразу по приезде в Гуляйполе, Махно определил в качестве важнейших задач «разгон правительственных учреждений и объявление вне всяких прав на существование в нашем районе частной собственности на земли, фабрики, заводы и другие виды общественных предприятий» и укрепление связей с крестьянами.

Прежде всего Гуляйпольских анархо-коммунистов отличал от остальных анархистов крестьянский прагматизм. Выступая против самого принципа государственности,

анархо-коммунисты повели упорную борьбу за власть. Им удалось создать руководимый анархистами Крестьянский союз, который парализовал орган Временного правительства — Общественный комитет, захватил все его секции и фактически превратился в высший орган власти в районе — Гуляйпольский Совет. Система власти анархо-коммунистов опиралась на разветвленную сеть массовых организаций, которые поддерживали политику Махно — профсоюзы, заводские комитеты, комитет батраков, сходы-собрания. Последние представляли собой своего рода постоянно действующий референдум, который позволял анархистским лидерам осуществлять обратную связь с населением. Сходы-собрания были основой формирования совета, который по инициативе Махно избирался по принципу делегирования. Делегаты посылались в Совет от относительно компактных групп населения, что облегчало их связь с избирателями. 3

Но как только встал вопрос о более широкой координации общественных усилий, Махно выступил против системы делегирования, теоретически разработанной П. Пруденом (о чем Махно, конечно, не знал). Многоступенчатому делегированию представителей нижестоящих организаций в вышестоящие органы Махно предпочитал съезды низовых Советов. Поэтому он выступил против представительства на губернском съезде только делегатов от уезда, «заявив свой протест против того, что губернский съезд не собирает непосредственно с мест крестьянских и рабочих делегатов». 4 Если бы на губернские съезды действительно собирались представители всех местных советов, это сделало бы их еще более громоздкими и неработоспособными (что упрощало задачу захвата Советов большевистской партией). Но Махно исходил из того, что губернский уровень должен получать от местного самоуправления минимум политических полномочий и потому его эффективность не столь важна.

Рост влияния Гуляйпольского Совета в регионе ставил перед его лидерами новые задачи — необходимо было решать земельную проблему. Посещавшие Гуляйполе в мае делегации окрестных и далеких сел задавали Махно прежде всего один вопрос, как быть с землей. Придя к власти, махновцы захватили земельные документы и провели учет земель (разительный контраст с крестьянскими движениями предыдущих эпох, когда крестьяне жгли земельные документы). Крестьянство стремилось захватить земли помещиков и кулаков. Это требование Махно ставит на первых съездах советов района, прошедших в Гуляйполе. Предложение анархо-коммунистов объединиться при этом в коммуны успеха не имело. Аграрная программа движения предполагала ликвидацию собственности помещиков и кулаков «на землю и на те роскошные усадьбы, которые они своим трудом не могут обслужить». 5 За помещиками и кулаками сохранялось право хозяйствования, но только своим трудом.

Уже с июня крестьяне прекратили вносить арендную плату, нарушая тем самым указания правительственных чиновников. Но немедленно провести аграрные преобразования не удалось. Сначала их задержал острый конфликт с уездным комиссаром Временного правительства Б. Михно, затем — сбор урожая. Чтобы не нарушать производственный процесс, крестьяне отложили основные преобразования до весны. В августе Махно провел уничтожение земельных документов. По воспоминаниям Махно, «на сей раз ограничились лишь тем, что за аренду помещикам не платили денег, взяли землю в ведение земельных комитетов, а над живым и мертвым инвентарем до весны поставили своих сторожей в лице

заведующих, чтобы помещики не распродали его». 6 Уже эта реформа быстро дала результат — крестьяне работали на бывших помещичьих землях не за страх, а за совесть, собрав самый большой урожай в губернии. 7-25 сентября съезд Советов и крестьянских организаций в Гуляйполе провозгласил конфискацию помещичьих земель и передачу их в общественную собственность.

После корниловского мятежа, подорвавшего авторитет Временного правительства в районе, под предлогом неспособности центральных властей предотвратить контрреволюционные выступления, махновцы создали свой Комитет защиты революции при совете и провели конфискацию оружия у «кулаков» в пользу своего отряда. Комитет возглавил Махно. Новый орган должен был организовать оборону района от любого вмешательства извне. Комитет созвал первый съезд советов Гуляйпольского района, который поддержал действия Махно. 8

Создание самостоятельного центра власти в районе Гуляйполя было воспринято уездной администрацией в штыки. Гуляйпольский район давно раздражал уездного комиссара Михно. Анархо-коммунисты ликвидировали общественный комитет и фактически вывели район из подчинения уездных властей. Михно угрожал вооруженной экспедицией в район. Вооружившись, махновцы были готовы к отражению нападения. Одновременно они решили «зайти противнику в тыл» — в уездный центр Александрова была послана агитационная команда, которая развернула кампанию против Михно. Рабочие поддержали Гуляйпольцев забастовкой, парализовав работу уездного комиссара, 9.

Союз с рабочими — черта не только «внешней», но и «внутренней» политики анархо-коммунистов. В этот период махновская политическая структура опиралась не только на крестьянство, но и на рабочую организацию — Союз металлистов и деревообделочников, возникший еще до революции 1 °Союз строился по принципу делегирования и объединял фактически всех рабочих Гуляйполя и ряда окрестных предприятий (в том числе мельниц). В июле профсоюз, в соответствии с анархистской доктриной, стал превращаться в производственно-распределительную организацию. 17 июля было решено обсудить возможность приобретения собственной пекарни, а также «поручить заводским комитетам выяснить составлением списков сколько кому из рабочих, состоящих членами профсоюза, нужно товара и топлива и обуви, и в какой сумме могут внести денег впредь до получения означенных в сем предметов». 11

4 октября профсоюз возглавил Махно. 12 Уже 7 октября под его руководством обсуждался конфликт на металлургическом заводе Кернера («Богатырь») Администрация считала возможным поднять зарплату всем категориям рабочих на 50 %, а сами рабочие настаивали на дифференцированном подходе, при котором зарплата поднимается на 35-70 % разным категориям для сближения уровней оплаты. После переговоров с представителями профсоюза М. Кернер согласился на их условия. 13

Махновский профсоюз приобрел в районе большой авторитет. В октябре работники мельницы «Трищенко и компания», не состоявшие в профсоюзе, обратились к организации с просьбой «о понуждении владельцев мельницы» к прибавлению зарплаты. Вероятно, у Махно, совмещавшего руководство профсоюзом с лидерством в крупнейшей местной

политической группировке (притом вооруженной), были свои методы «понуждения» предпринимателей к соблюдению прав рабочих в условиях растущей инфляции. Но использовать такие «американские» методы в пользу работников, не входящих в профсоюз, Махно не собирался. «Профбосс» помнил об интересах своей организации и демонстративно отклонил просьбу работников мельницы Трищенко на том основании, что они не вступили в профсоюз. 14 Таким образом Махно стимулировал рост рядов — для того, чтобы пользоваться его покровительством, рабочие должны были войти в организацию. Дело рабочих мельницы Трищенко подтолкнуло Махно к тому, чтобы сделать членство в Союзе обязательным, а сам профсоюз превратить в орган, который в сфере социальных вопросов может отдавать распоряжения администрации 25 октября (в день большевистского переворота в Петрограде) в соответствии с решением собрания рабочих от 5 октября правление профсоюза постановило: «Обязать владельцев названных мельниц производить работы на три смены по 8 часов, приняв через профессиональный союз недостающих рабочих Рабочим, не состоящим членами профсоюза, вменить в обязанность немедленно записаться в члены Союза, в противном случае они рискуют лишиться поддержки Союза». 15 Эта синдикалистская реформа почти ликвидировала безработицу в районе и усилила организационную опору Гуляйпольского режима. Был взят курс на всеобщее введение восьмичасового рабочего дня. 16

Если предприниматели вступали в конфликт с новым режимом, то Земельный комитет лишал их права собственности. Так, одна из мельниц была передана Земкомом в аренду частным лицам с условием осуществления ее ремонта и ритмичной работы. 17

В декабре 1917 г. Махно, занятый другими делами, передал председательство в профсоюзе своему заместителю А. Мищенко. 18 Он сделал эту организацию одной из самых влиятельных в районе. Иногда мнения Махно серьезно расходились с позицией других лидеров профсоюза. Уже 31 октября, когда стали сказываться первые результаты синдикалистской реформы, Махно предложил отправить часть рабочих во временные отпуска из-за нехватки работы. Но правление Союза отклонило это предложение, высказавшись за сокращение рабочего дня и категорически постановив. «До конца войны никаких расчетов (то есть увольнений — А. Ш.) не допускать». 19 Вообще ситуация в рабочем движении Гуляйполя была относительно демократической. Часть рабочих критиковала правление Союза за порядок расходования средств (большинство поддержало Махно), важнейшие решения отдавались на рассмотрение рабочих, хотя Махно и правление уже высказывали свое мнение. Так было, например, при обсуждении вопроса о предложении Александровского союза металлистов войти в его состав. Махно не хотел терять самостоятельности своего союза. «Относись к этому предложению отрицательно, так как это убьет самостоятельность союза, правление находит необходимым отстаивать этот вопрос на обсуждении объединенного собрания рабочих». 20

Вообще Махно в соответствии с его представлением об анархизме игнорировал указания «вышестоящих» организаций. 10 октября при рассмотрении спора с администрацией Махно отказался учитывать решение арбитражного суда в Екатеринославе. 21 В то же время рабочее самоуправление самостоятельно участвовало в налаживании производства в обстановке общероссийского экономического хаоса. Представители фабзавкомов ездили за материалами в Александровск. Но первый опыт был неудачен — получить необходимые

материалы не удалось. 22 Экономический хаос был естественным результатом распада единой социально-политической системы, «единого правового пространства», который, в свою очередь, вытекал из коллапса доверия населения к государственной власти. Восстановить утраченное единство можно было двумя путями — насильственным восстановлением государственного контроля за обществом либо усилением прямых, не опосредованных государством общественных связей. Махновцы пытались идти вторым путем.

В условиях развала хозяйственных связей в стране важной задачей Совета стала организация прямого товарообмена с городами, тем более, что это соответствовало теоретическим разработкам анархистов о сотрудничестве рабочего класса и крестьянства в обход государства и капиталистов. Организаторы продуктообмена собрали муку для рабочих и крестьянские заказы на мануфактуру и другие промышленные товары. Вагон с мукой под охраной отправился в Москву, где, по утверждению Махно, рабочие Прохоровской и Морозовской фабрик с удовольствием оплатили его вагоном промтоваров. Ко всеобщей радости вагон с мануфактурой отправился назад, но тут начались неприятности. Махно вспоминает о злоключениях мануфактуры: «Но по дороге заградительные отряды продовольственных правительственных органов ее задержали и направили в Александровск в продовольственную управу, на том основании, что непосредственно, дескать, без разрешения центральной советской власти нельзя делать никаких товарообменов крестьян с рабочими». 23 Возмущенные крестьяне и рабочие Гуляйполя требовали немедленного военного похода на Александровск, но махновский Комитет защиты революции сначала послал угрожающую телеграмму. Она возымела действие — на следующий день вагон стоял на станции Гайчур близ Гуляйполя. Местные жители решили продолжать продуктообмен.

Между тем, политическая обстановка в районе менялась. В ноябре-декабре 1917 г. по окрестным городам прокатилась волна переворотов, известная как «триумфальное шествие советской власти». Власть, впрочем, перешла не к советам, а к большевистко-левоэсеровским революционным комитетам. Но поскольку они выступали за власть советов (а в Гуляйполе установилась именно она) и не вмешивались в дела района, махновцы отнеслись к переворотам благосклонно и даже предлагали на выборах в Учредительное собрание голосовать за большевиков и эсеров. 24

Анархисты в этот период в большинстве своем были союзниками большевиков, причем союзниками слева. Велика была их роль в бурных политических событиях середины 1917 г. в Петрограде. 25 Анархо-синдикалисты приобрели заметное влияние в профсоюзах. 26 Но Союз анархо-синдикалистской пропаганды, издававший «Голос труда», Петроградская федерация анархистских групп (газета «Буревестник»), Федерация анархо-коммунистов Москвы (газета «Анархия») были относительно немногочисленны, хотя и пользовались заметным влиянием среди рабочих и матросов, имели вооруженные отряды. Не располагая собственной массовой организацией, анархисты пытались «раскачать» большевиков, использовать их в качестве силы, которая разобьет «буржуазное государство» и откроет путь для свободного социального творчества трудящихся масс, объединенных в советы. Общность лозунгов большевиков и анархистов дезориентировала последних. В. Волин вспоминал. «Когда я читал сочинения Ленина, особенно написанные после 1914 г., я видел прекрасные параллели между его идеями и идеями анархистов, кроме идеи государства и

власти». 27 Большевики в это время разрушали прежние государственные структуры и настаивали на временности вновь создаваемых. И анархисты были готовы поддерживать их в «разрушительной работе». В канун октябрьского переворота издание анархо-синдикалистов «Голос труда», редактируемое В. Волиным, провозглашало, что анархисты готовы поддержать свержение временного правительства, «если под «властью» понимается, что вся созидательная работа и вся организационная активность будет в руках рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых вооруженными массами... если «власть Советов» не станет в действительности государственнической властью новой политической партии». 28 В момент переворота выполнение этих «условий» было еще в будущем, и анархисты с оружием в руках выступили на стороне большевиков и левых эсеров. Даже те анархисты, которые осознавали все принципиальное различие в позиции анархистов и большевиков, призывали «участвовать в массовом движении» против Временного правительства. 29 Уже в декабре идеологи «Голоса труда» осознали, что новый режим несет гораздо большую угрозу делу свободы, чем прежний. Газета стала писать об опасности поглощения Советов большевистской партией. 30 Но анархисты по-прежнему считали «реставрацию» большим злом, нежели большевистскую «революцию», что выразилось в их поддержке разгона Учредительного собрания. Так продолжалось до апреля 1918 г., когда большевики нанесли удар по анархистам в Москве. Но Н. Махно скептически относился к городским анархистам, и эти действия большевиков еще не были для него доказательством их контрреволюционности.

Стереотип анархии как хаоса, свободы без границ, даже за счет других людей, оказывает влияние и на состав анархистского движения. К нему прибивается множество людей, понимающих анархизм как дезорганизованность. Иногда это направление начинает доминировать в движении, так как примитивный анархизм не тратит времени на кропотливую организационную работу, зато вполне соответствует представлениям обывателя об анархии, и общество готово видеть именно в этом течении истинное лицо анархизма. Махно писал: «60-70 % товарищей, называющих себя анархистами, увлеклись по городам захватом барских особняков и ничегонеделанием среди крестьянства. Их путь ложный путь». 31

Влияние анархистов в деревне на Украине было довольно велико. А. Горелик, путешествовавший в это время по украинским селам, посетивший сотни населенных пунктов, утверждал: «во многих деревнях летом после долгого рабочего дня в течении целых часов занимались чтением вслух. В Киевской губернии мне довелось видеть циркулирование анархических газет. В трех районах так хорошо, что буквы были еле читаемы. Но молодые крестьяне читали их до конца». 32 Рядом с махновским районом располагался и такой «бастион» радикализма, как Донбасс

Махно был не прочь вмешаться в политическую жизнь за пределами своего района, демонстрируя активность крестьянства. Он участвует в примирении Совета готовых взбунтоваться георгиевских кавалеров, всячески препятствует распространению влияния Украинской Центральной Рады В Гуляйполе существовала сильная организация сторонников украинской государственности, которые проводили здесь массовые мероприятия. 33 На этот раз Махно прибег к авторитету окрестного крестьянства. Считая, что украинская государственность ничуть не лучше русской, II съезд Советов Гуляйпольского района

принял резолюцию «Смерть Центральной Раде». 34

В это же время району стала угрожать еще более серьезная опасность — с фронта возвращалось несколько эшелонов казаков. Если бы они прошли в этот момент на Дон, то атаман Каледин получил бы реальную силу, с которой мог начать наступление и против махновцев. III съезд Советов в декабре 1917 г. призвал сформировать отряд для борьбы с казаками — «вольный батальон» во главе с братьями Махно (командир — Савва, политический организатор — Нестор). Впервые Н. Махно предстояло показать себя в качестве военачальника. Полководческий талант будущего батьки еще никак не проявился, когда махновцы заняли подступы к Кичкасскому мосту через Днепр. В коротком бою 8 января 1918 г. махновцы в союзе с большевиками и левыми эсерами остановили и разоружили казаков. 35 Исход этого боя серьезно осложнил положение Каледина и во многом предопределил его падение.

Нестор Махно, затмивший своими действиями брата Савву, стал превращаться в одного из военных лидеров, которыми так богата рассматриваемая эпоха Военизация предполагала авторитаризм. Предпосылок к возникновению в махновском движении авторитарных структур было множество. Во-первых, страна только что вышла из состояния самодержавного режима, который явно не способствовал самостоятельности общества. Крестьянская община лишь начала изживать навязанные бюрократической машиной традиции круговой поруки и доверия к «верхам», роль которых стали играть Махно и его окружение. Во-вторых, крестьянская масса и анархо-коммунисты по-разному представляли себе перспективы социальных преобразований после того, как удастся сбросить угнетение, исходящее от помещиков, кулаков и города Крестьяне просто не вникали в содержание терминов «анархия» и «коммунизм», поддерживая борьбу анархистов против помещиков и властей Управляемость масс достигалась системой разного рода «приводных ремней» от ГАК к крестьянской массе. В-третьих, относительно низкий уровень политической культуры того времени и военная обстановка порождали избыток доверия к удачливому и справедливому вождю (впрочем, в этом отношении и наше время принципиально не отличается от сравнительно недавнего прошлого). Таким образом, несмотря на неприятие анархистами самого принципа государственности, в Гуляйполе сложилась государственная структура во главе с Махно. Его темперамент и личные качества также способствовали укреплению авторитаризма, но авторитаризма, основанного на высоком авторитете лидера. Когда Махно, например, решает, что ему больше нет нужды заседать в Александровском ревкоме, он принимает решение от имени своего отряда, даже не посоветовавшись с бойцами. «Сделав официальный письменный, от имени отряда, отзыв меня из революционного комитета, я пошел в комитет вручить этот документ куда следует и проститься». 36 Конечно, на фоне тогдашнего «разгула» военных диктатур этот поступок выглядел вполне невинным, но с точки зрения анархизма представлял собой опасный прецедент — прямое покушение на право коллектива участвовать в принятии политических решений лидера. Реакция, впрочем, не заставила себя ждать — на заседании ГАК Махно подвергся резкой критике за «государственнический подход» к делам. Многочисленные органы самоуправления в районе препятствовали перерастанию культа личности Махно, начавшего складываться в то время, в прямой административный произвол. «В течение года действия группы либертарных коммунистов Гуляйполя, осуществлявшиеся под влиянием энергичного и разностороннего Нестора на ниве представительных органов, увенчались

завоеванием новых социальных прав, благодаря чему родилось радикальное согласие в регионе» 37, — считает А. Скирда. Основой этого радикального согласия было право крестьян на землю. Ранней весной оживилась аграрная реформа — нужно было успеть провести передел к началу сева. Преобразования проходили мирно — их принципы были определены еще осенью, вооруженный перевес был на стороне реформаторов. Получив землю, некоторые бедняки и батраки не могли или не хотели наладить самостоятельное хозяйство, им анархо-коммунисты предлагали объединиться в коммуны, под которые к тому же отводились помещичьи усадьбы. Несмотря на общность имущества в коммуне, ее члены имели отдельные квартиры, где могли уединиться.

Домашнее хозяйство можно было вести как отдельно, так и коллективно. Если человек желал готовить себе отдельно от коллективной трапезы, он имел на это право, но должен был предупредить заранее. Все важнейшие вопросы в коммуне решались общим собранием. Планировались педагогические эксперименты по методике анархиста Ф. Ферера. В 4-х ближайших к Гуляйполю коммунах (кооперативах) состояло от 50 до 200 человек. В одну из них записался и сам Махно и работал там по два дня в неделю. 38

О структуре коллективных форм сельского хозяйства в этом районе можно судить также по уставу кооператива хутора Очереватого, который был принят весной 1918 г. Численность кооператива была ограничена 40 рабочими руками, приоритет при вступлении принадлежал семейным людям. Устанавливалось, что «вступившие лица в кооператив обязаны добросовестно выполнять работы, каковые на них возложены» (пп. 1-3). 39 До урожая члены кооператива должны были работать бесплатно, но от Земельного Совета (имеется в виду Крестьянский Совет, бывший Земельный комитет 40 они получили ссуду (п. 4). 41 Работники выбирали президиум кооператива из трех человек, который был ответственен перед членами кооператива и перед Советом. «Если президиум или отдельные члены его будут в чем замечены, то члены ко-ва вправе переизбрать во всякое время» (пп. 5-8). 42 Президиум был коллективной администрацией кооператива с широкими полномочиями: «Лица, вступившие в кооператив, должны всецело подчиняться старшему товарищу, который будет избран членами ко-ва в президиум» (п. 9). «Если окажутся такие лица, которые не пожелают подчиняться старшему, то президиум вправе рассмотреть это дело и уладить конфликт, или передать Земельному Совету на рассмотрение» (п. 10). 43 Таким образом участники страховали себя от произвола администратора и даже коллектива, предусматривая систему третейского разбирательства. В случае выхода члена из кооператива он получал расчет как работник по усмотрению президиума и Совета (п. 11). 44 Предусматривалось также содержание по болезни семьи больного до трех месяцев в размере, определяемом собранием (п. 12). 45 Инвентарь, скот и продукты поступали в коллективное распоряжение кооператива, но под контролем Совета. Кооператив нес ответственность за сохранность инвентаря (пп. 13-14). В случае ликвидации кооператива он должен был вернуть Совету (Земельному комитету) весь полученный от него инвентарь (п. 21). 46 Первоначально авторы проекта устава считали, что скот должен находиться в распоряжении семей, но затем от этого положения отказались — кооператив почти ничем не отличался от коммуны. 47 Провозглашалось, что «все члены кооператива не имеют никаких особых прав и прислугу» (п. 20). 48

Первоначально семь семей — организаторов кооператива претендовали на земельные участки общим размером в 300 десятин, но такого количества земли им получить не удалось. В их распоряжение было передано 193 десятины (п 15). 49 Сначала члены кооператива требовали выселения с хутора крестьян, которые отказались вступить в кооператив и первоочередного обслуживания на мельнице, но и от этих требований пришлось отказаться. 50 Махновский режим отрицал любые привилегии, в том числе и для общественных форм, близких ему идеологически.

Кооператив принял на себя обязательство платить налоги обществу (п. 19). 51 Общинное крестьянство отнеслось к коммуна и кооперативам спокойно — выступления против этого опыта на сходах успеха не имели.

Оценить эффективность махновских реформ нелегко — в события вновь вмешались внешние обстоятельства. Брестский мир открыл дорогу на Украину германо-австрийским войскам. Выяснить отношение Махно к Брестскому миру трудно. В своих воспоминаниях он приписывает себе такие слова: «И Центральная рада, и большевики своим заключением союза с монархами готовят смерть для революции и ее носителей — революционных тружеников». 52 Однако известно, что во время своего союза с большевиками Махно выступал против обвинений их в сговоре с немцами. 53 Не бросает Махно упрека в Брестском мире и руководителям большевиков во время беседы с ними в июне 1918 г., о которой речь пойдет ниже.

Так или иначе, вторжение немцев резко активизировало сторонников Центральной рады в районе. Они связывали с немцами большие надежды. Лидер националистов П. Семенюта открыто угрожал анархистам физической расправой после прихода немцев. В ответ ГАК без ведома Махно объявила националистам «революционный террор» и убила Семенюту. Гуляйполе оказалось на грани гражданской войны. Узнав о случившемся, Махно приложил все усилия и пустил в ход свой авторитет, чтобы добиться отмены решения ГАК о «революционном терроре» и заключить соглашение с оппозицией, предотвратившее кровавую вендетту. Была создана совместная с националистами комиссия по недопущению убийств. 54

Особенно трудно было удержать от продолжения террора анархо-коммунистов. Дискуссии в ГАК приняли жаркий характер. Махно вспоминает об этом: «Их дерзость меня злила, а самостоятельность радовала и сильнее давала мне чувствовать, что моя работа с самостоятельными членами группы даром не пропадает». 55

В этом эпизоде Махно представляет себя мудрым учителем местной анархистской братии. Был ли он таковым на самом деле — вопрос спорный. Ясно одно: Махно удавалось держать позицию ГАК под своим контролем — было решено не применять террор, пока националисты сами не возьмутся за оружие. Это, конечно, не значило, что Махно был принципиальным противником террора. Он подходил к террористическим актам прагматически и старался избежать гибели случайных людей.

Между тем агитация националистов (под этим словом мы понимаем сторонников украинской государственности) в районе продолжалась. Одновременно националисты

предприняли своеобразный ход по подготовке переворота в Гуляйполе. Они начали шантажировать еврейскую общину угрозой погрома после прихода немцев. Еврейская верхушка после колебаний решила помогать своим заклятым врагам, чтобы предотвратить неминуемую расправу. 56

«Среди евреев — хозяев лавок, гостиницы, хозяев мануфактурных предприятий — вновь возникают пораженческие настроения, — комментирует историк взаимоотношений евреев и анархизма М. Гончарок. — Состоятельное руководство общины требует от еврейского населения, чтобы оно расформировало еврейскую роту. Рядовые дружинники, как правило, молодые ребята, выходцы из бедных семей, отказываются наотрез, считая это подлостью и предательством по отношению к анархистам и крестьянским ополчениям, доверившим им оружие. Мнения в роте, однако, раскалываются». 57 Эта социально-психологическая реконструкция нуждается в уточнении. Заметного раскола не произошло — рота решила подчиниться руководству еврейской общины.

Тем временем немцы, тесня отряды эсеров, большевиков и анархистов, подходили к Днепру. Махновцы сформировали «вольный батальон», который выступил на фронт. Махно направился в штаб Красной гвардии для координации действий с другими отрядами. Охрану Гуляйполя несла еврейская национальная рота под командованием Тарановского. В ночь с 15 на 16 апреля она совершила в Гуляйполе переворот в пользу украинских националистов и арестовала часть анархо-коммунистов. Одновременно отряд националистов внезапно напал на «вольный батальон» и разоружил его 58.

Эти события застали Махно врасплох. В один момент он лишился вооруженной силы и опорной базы. Интересно, что меньше всего Махно был склонен винить в случившемся евреев. По его мнению, слух о «заговоре евреев» «в других местностях Украины безусловно вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых в российской и украинской истории, не знавших до сих пор покоя бедных евреев». 58 Понимая мотивы действий еврейской общины, Махно, вернувшись позднее в Гуляйпольский район, выступил против мести участникам переворота — евреям, «убеждал крестьян и рабочих, что еврейские труженики, даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контрреволюционном деле — сами осудят свой позорный акт». 60 И в самом деле, бывший командир роты Тарановский станет затем одним из командиров махновской армии, а в ее составе в 1919 г. будет сформирована еврейская национальная батарея 16 апреля участники демонстрации жителей Гуляйполя освободили арестованных заговорщиками анархистов. Но организовать оборону было уже невозможно — немцы перешли Днепр и вскоре вошли в Гуляйполе. Вместе с националистами они развернули репрессии против тех анархистов, которые не успели уйти из города.

2. Путешествие по России

В конце апреля Махно собрал часть Гуляйпольских анархистов в Таганроге. Это совещание постановило вернуться в Гуляйполе в июле для организации партизанской войны. А пока Махно отправился в путешествие по революционной России. Эта поездка сыграла важнейшую роль в формировании взглядов крестьянского вожака, которому предстояло

еще возглавить одно из мощнейших движений гражданской войны. Во время этого путешествия Махно вплотную столкнулся с практикой советской власти в Поволжье, которая вызывала у него немало возражений. Тем не менее, в тот период он сочувствовал большевикам, всерьез воспринимая их утверждения о том, что революционное государство — лишь переход к безгосударственному обществу, коммунизму. Необходимо только скорректировать политику большевиков, считал он: «Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции» 61.

Прежде всего, Махно недоволен тем, что большевики игнорируют интересы крестьянства. Недовольство революцией, идущей из города, все более усиливается: «Без тесного сотрудничества с крестьянством властолюбивому городу и заражающему поневоле его властолюбием пролетариату самому не построить новой свободной общественной жизни» 62.

Особенно резко, по мнению Махно, властолюбие города усилила теория диктатуры пролетариата, Махно выступает против тех, кто поддержал эту диктатуру: «Видимо, эти безответственные крикуны. и не думали о том, что созданием этой диктатуры они разбивали единство своего классового трудового организма на пользу не революции, а врагам ее» 63.

С точки зрения Махно, раскол сил трудящихся классов — тяжелейший грех перед революцией. Главную причину этого раскола он видит в эгоизме политических партий, вернее, их лидеров. «Нет партий, нет политических организаций, а есть кучки шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений на путях достижения своих целей уничтожат трудовой народ» 64 — напишет Махно в эмиграции об ощущениях 1918 г. По воспоминаниям А. Чубенко, в июле 1918 г. Махно так определял свое отношение к положению в столице России — «в Москве полнейший раскол между коммунистами и анархистами, и творится ерунда» 65.

Но Махно ищет пути к преодолению трещины, которая наметилась между революционными силами. С этой точки зрения любопытно содержание беседы между Махно, Свердловым и Лениным, которая, если верить воспоминаниям «батько», состоялась в Кремле в июне 1918 г. По описанию Махно, беседа со Свердловым началась с обсуждения поражения советской власти на Украине. Свердлов видел причину в контрреволюционности украинских крестьян, Махно — в оторванности красной гвардии от крестьянства. Махно пытается убедить Свердлова в том, что причины холодного отношения населения к большевикам следует искать не в недостатках крестьян, а в самой большевистской политике.

В то же время оппоненты сходятся в принципиальных вопросах, не замечая, что под одними и теми же формулировками они могут понимать совершенно различные вещи: «Да какой же вы анархист-коммунист, товарищ, когда вы признаете организацию трудовых масс и руководство ими в борьбе с властью капитала?! Для меня это совсем непонятно! — воскликнул Свердлов, товарищески улыбаясь — Анархизм, — сказал я ему, — идеал слишком реальный, чтобы не понимать современности и тех событий, в которых так или иначе участие его носителей заметно, чтобы не учесть того, куда ему нужно направить свои

действия и с помощью каких средств». 66 Свою мысль Махно подкрепляет опытом анархистского движения на Украине.

В разговоре со Свердловым и Лениным Махно излагает им от имени крестьянства свое видение принципов советской власти: «Власть советов на местах — это по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся, часто сельские, волостные и районные советы есть не более, не менее, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией» 67.

Ленин не без основания заметил, что такой взгляд на вещи анархичен. Завязалась дискуссия об анархизме, во время которой Ленин, по утверждению Махно, сказал: «Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: это и разделяет нас, коммунистов, с ними...в настоящем они беспочвенны, жалки, исключительно потому, что они в силу своей бессознательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи» 68.

Это высказывание серьезно задело Махно, он парировал: «Ваших большевиков в деревнях совсем почти нет, или, если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельскохозяйственные коммуны на селе были созданы по инициативе анархо-коммунистов».

Описание этого диалога в мемуарах Махно достаточно правдоподобно. Будущий непримиримый враг большевизма уважительно отзывается о Ленине, он самокритичен и словно смотрит на беседу со стороны: «Но скверный, если можно так выразиться, характер мой, при всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему при данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним," 69 — пишет Махно о своем настроении после обидных ленинских слов об анархизме.

Воспоминания Махно позволяют выделить фундаментальные расхождения между ним и вождями большевизма, равно как и понять, на чем основывался их непрочный союз. Оперировав одними и теми же понятиями — «контрреволюция», «буржуазия», «пролетариат», — они наполняли их совершенно различным содержанием. Отсюда и ощущение предательства, возникающее при их разрыве, и невозможность для них союза с общим врагом — белыми.

3. Партизанский батько

4 июля 1918 г. Махно с помощью большевиков вернулся в родные края. Однако организовать немедленное сопротивление оккупантам здесь не удалось. Крестьяне страдали от немецких экспроприации, но боялись террора немцев, которые опирались на немецких колонистов. Вспышки крестьянских волнений жестоко подавлялись. И все же недовольство росло, особенно после того, как началось возвращение земель прежним хозяевам. Действовавшие в районе отряды повстанцев возникали не надолго и быстро распадались. Махно и вернувшимся в район анархо-коммунистам удалось установить связь с такими группами. Крестьяне были готовы поддержать вооруженную борьбу с немцами, но для этого нужно

было создать долговечный и успешно действующий партизанский отряд.

К осени Махно удалось наконец сколотить группу бойцов и достать для них оружие. По утверждению А. Чубенко оружие было закуплено на деньги, полученные от экспроприации банка. После этой акции Махно отказался от этого метода и от индивидуального террора вообще. 70

22 сентября отряд начал боевые операции и даже на короткое время ворвался в Гуляйполе, чтобы напомнить о себе его жителям. Впрочем, приближение оккупационных войск заставило махновцев ретироваться. Первый бой отряд Махно дал в селе Дибривки (Б. Михайловка) 30 сентября. Объединившись с небольшим отрядом Щуся, партизанившим здесь ранее, Махно с группой в два десятка бойцов сумел разбить превосходящие силы немцев. 71 Авторитет нового отряда в округе вырос, а сам Махно получил почетное прозвище «батько». Вскоре под его командование перешли отряды Петренко — Платонова (район Гришино) и Куриленко (район Бердянска). 72

Бой в Дибривках положил начало разрушительной «вендетте». Дело в том, что немцы стянули к этому селу значительные силы и провели в Дибривках показательную экзекуцию, которой партизаны не могли помешать. В карательной экспедиции участвовали жители окрестных хуторов. В ответ махновцы разорили эти хутора, убивали участников карательных действий в Дибривках (еще раньше махновцы убивали помещиков, которые оказывали им вооруженное сопротивление). А. Чубенко вспоминал. «Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улицах было светло, как днем. Немцы, прекратив стрельбы, выбегали из домов. Но наши всех мужиков стреляли тут же». 73 Сжигая кулацкие дворы, повстанцы, по словам Махно, говорили погорельцам. «Идите туда, куда пошли дибривские крестьяне и крестьянки со своими детьми, которых ваши отцы, дети, мужья и сыновья частью избили, частью переизнасиловали, а хаты сожгли». 74

Идеологически корни махновского террора восходят к «эпохе Ровашоля», когда часть анархистов пыталась с помощью динамита разрушить государство. Но вслед за Кропоткиным, который «не отрицал террора, но требовал, чтобы его применяли лишь в исключительных случаях» 75, Махно считал, что террором не следует злоупотреблять. Махновцы расстреливают только тех, кто прямо нарушает их приказы о сдаче оружия или непосредственно сотрудничает с оккупантами.

В это время начинают практиковаться общественные суды на крестьянских сходах, которые должны решать судьбу обвиняемого. Но на протесты анархо-коммуниста Марченко против террора Махно отвечает: «Пусть он положит свою сентиментальность в карман». 76 Пленных оккупантов махновцы, как правило, отпускали. Но гражданских немцев иногда расстреливали как «шпионов». 77 В то же время после первой вспышки террора Махно отдал приказ не трогать тех немцев, которые не оказывают сопротивление, а когда командир Петренко разгромил мирный кулацкий хутор, Махно распорядился выплатить немцам компенсацию. 78

Суровость повстанцев в отношении кулачества и помещиков лишь подняла их авторитет в глазах крестьянства. В своих действиях Махно стал опираться на многочисленное

крестьянское ополчение, которое привлекалось в случае крупных операций. Махно заранее оповещал крестьян о месте сбора. Интересно, что противник при этом ничего не узнавал.

Сам партизанский отряд действовал как мобильная ударная группа. Иногда он оказывался на грани уничтожения превосходящими по численности силами противника, но в целом действия Махно были относительно успешными и также способствовали росту его авторитета среди крестьян. Страх перед Махно нейтрализовал большую часть кулачества. Крестьяне и батраки, вооружившиеся за счет помещиков и кулаков, фактически контролировали положение там, где отсутствовали немецкие подразделения.

Влияние среди местного населения и способность сохранить себя как движение в условиях немецкой оккупации позволило махновцам приступить к созданию собственной системы власти. Человек с ружьем все более отчетливо понимал, что он теперь — главная фигура в стране. Война породила военную власть.

В 1918 г. Махно не мог пожаловаться на недостаток доверия со стороны местных жителей. Его имя становится гарантией доверия к анархизму в целом, что побуждает анархо-коммунистов поддерживать и укреплять культ личности «батьки». Махно разъяснял крестьянам, как организовывать новую жизнь, как вести себя в отношении кулаков, немцев, помещиков. Ему приходится сдерживать разрушительные наклонности разраставшейся прослойки людей, живших войной и оторвавшихся от общинного крестьянства. Такие люди типичны не только для гражданской войны в России, но и для любой продолжительной войны. Они не заботятся о сохранении производства в тех местах, где идет война, не видят своего места в условиях мира и не очень пекутся о завтрашнем дне. Не удивительно, что эти люди чувствовали поддержку бедняцкой массы, не привязанной к сколько-нибудь значительному хозяйству и охотно видевшей свое место в жизни с оружием в руках. Не удивительно, что в одном из случаев, о которых вспоминает Махно, «повстанческая масса, даже ряд командиров, в особенности беднота с. Времьевки, настаивали на том, чтобы взорвать и сжечь эти общественные предприятия» 79 (речь идет о кулацких мельнице и маслобойне). Махно удалось настоять на том, чтобы кулаки были лишь ограничены в ценах, которые они назначали за помол и за масло. Понятно, что такое регулирование было гораздо выгоднее крестьянам, чем тотальное разрушение кулацкого производства.

4. Своя земля

Тем временем обстановка вокруг махновского отряда коренным образом изменилась. В ноябре 1918 г. наконец разразилась революция в Германии. Она повлекла эвакуацию немецких войск с Украины. Развал режима оккупации вызвал всплеск повстанческого движения против коллаборационистских властей. В Северном Приазовье это движение концентрировалось вокруг махновского отряда — все новые и новые вооруженные формирования возникали и присоединялись к «батьке». Коллапс режима гетмана Скоропадского привел к тому, что в Таврии единая власть фактически перестала существовать — здесь, помимо махновцев, действовали еще немецкие соединения, обеспечивавшие отход своих войск на запад, помещичьи и кулацкие отряды. Чтобы оградить от них крестьян, Махно решает создать единую повстанческую зону с единым

фронтом под командованием махновского штаба. Первоначально махновцам сопутствовал успех. Они довольно быстро вытеснили из своего района немцев, разгромили сопротивлявшиеся хутора и усадьбы и наладили связи с органами местного самоуправления. Махновский штаб по существу установил контроль над обширным районом в Приазовье с неясными границами — на юге начинаются стычки с красновцами, на западе ощущается давление со стороны Украинской Директории, сменившей режим Скоропадского. Но махновский штаб еще не вполне контролировал внешне лояльных ему командиров. Махно принялся бороться с несанкционированными поборами и грабежами. Даже своему заслуженному командиру Петренко Махно грозил расстрелом в случае, если на него поступят жалобы на притеснения от бедняков. 80 Махно вспоминает о борьбе с грабежами: «Об этой контрибуции я узнал при моем выступлении с речью перед крестьянским сходом села Васильевки. Никогда за все время моей революционной деятельности я не чувствовал на сердце такой боли, как во время этого своего выступления. Мысль, что в отряде есть люди, которые тайно совершают непоправимые преступные акты, не давала мне покоя. И отряд не вышел из этого села до тех пор, пока лица эти не были раскрыты, и хоть и с болью, но без всяких колебаний, расстреляны в том же селе..., все в тревоге перед сознанием, что в отряд просачивается элемент, преследующий цели грабежа и личной наживы. И мы решили не останавливаться ни перед чем, чтобы с корнем вырывать его из повстанческих рядов и уничтожить». 81 За поборы с крестьян в 1918 г. были расстреляны также партизаны братья Дьяченко. 82 Надо отдать Махно должное — в борьбе с грабежами он был вполне последователен. Показательно, что в сообщении либеральной газеты «Приднепровский край» о захвате махновцами поезда в эти дни ничего не говорится о грабежах 83

Неустойчивость положения махновского руководства определила его осторожную позицию в отношении Директории. Опасаясь борьбы на два фронта, махновцы пропустили через свою территорию мобилизованных украинским правительством новобранцев при условии, что будет разрешено вести среди них агитацию. Махновская делегация стремилась нащупать противоречия среди гайдамаков, поддержала их в борьбе с 8-м корпусом Добровольческой армии. Уход 8-го корпуса из Екатеринослава положил конец заигрыванию националистов с рабочими организациями города. Петлюровцы разогнали рабочий совет. Одновременно они усилили агитацию на левобережье — стало ясно, что Директория считает необходимым включение махновской территории в единую Украинскую державу. Это махновцев, естественно, не устраивало. Их давнишняя враждебность к идеологии украинской государственности также делала конфликт неизбежным.

26 декабря Крестьянский съезд Екатеринославской губернии, находившийся под влиянием махновцев, выступил против Директории.

В этот момент Махно уже заканчивал переговоры с большевиками о совместных действиях по захвату Екатеринослава. Чтобы решиться на штурм города, Махно «счел необходимым созвать комсостав, перед которым был поставлен вопрос о наступлении сегодня же ночью на Екатеринослав. Все ответили, хоть сейчас,» 84 — вспоминает начальник большевистского штаба Е. Кузнецов.

Махно располагал полутысячей бойцов, готовых к операции за пределами махновского района. По утверждению М Кубанина, эта сила была подчинена большевистскому командиру Г. Колосу, собравшему в районе Синельникове около полутора тысяч бойцов 85 Махно категорически отрицает свое подчинение Колосу и считает, что Кубанин преувеличил численность его отряда в пять раз. 86 В этом споре скорее всего прав Махно, что подтверждается и большевистскими источниками. «Необходимо отметить, что Махно назначен командиром всеми вооруженными силами, наступавшими на Екатеринослав». 87, — утверждает Д Лебедь.

Трудность наступления на Екатеринослав заключалась в том, что основные силы повстанцев находились на левом берегу Днепра, а город — на правом. Е. Кузнецов вспоминает: «План заключался в следующем: по пешеходной части моста пускаем по обеим сторонам по пять человек, одетых в рабочие костюмы с узелками, в которых находятся бомбы, чтобы снять посты пулеметчиков. Вслед за ними ...пускаем паровоз, чтобы прочистить путь, а за ним — пульмановский вагон с двумя бомбометами, — потом двинутся эшелоны один за другим». 88 27 декабря эшелоны беспрепятственно прибыли на вокзал Екатеринослава. Двери открылись и к изумлению гайдамацкой охраны из вагонов посыпались махновские бойцы. Привокзальный район оказался в руках повстанцев, к которым присоединились небольшие отряды большевиков и левых эсеров. Эффект внезапности еще не гарантировал окончательного успеха. 27–28 декабря махновцы с боями продвигались в глубь города. Одновременно началось формирование новой власти, в котором особую активность проявили большевики: под конец боя «губ-ком партии большевиков ...произвольным образом, что называется «нахрапом», обойдя мой штаб ...назначил из своих членов коменданта города, комиссию почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, начальника милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то купили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала» 89. Но Махно и не думал подчиняться «новой власти». Повстанцы тоже претендовали на свою долю влияния. В конце концов был создан Военно-революционный комитет, в котором повстанцы получили треть голосов, но фактически присутствовали в гораздо большем количестве.

Несмотря на попытки большевиков провести в председатели ВРК своего человека, анархисты поддержали кандидатуру «пожилого и серьезного товарища из левых эсеров» 90, который и возглавил комитет. Затем началась торговля вокруг распределения власти, в которой основное участие приняли большевики и левые эсеры. 31 Равнодушие анархистов в этом вопросе объяснялось просто — они воспринимали ВРК как действительно временный орган, который должен максимально быстро собрать съезд советов и передать ему власть. Этот съезд, считал Махно, «и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально-общественного строительства нужные конструктивные положения». 92

К 29–30 декабря положение петлюровцев в Екатеринославе стало безнадежным. На сторону Махно перешла гайдамацкая батарея под командованием Мартыненко. Затем к Махно перешло еще несколько петлюровских подразделений, и 30 декабря петлюровцы оставили город.

Одержав победу, махновцы приступили к упорядоченному снабжению своей армии из местных магазинов. Но одновременно начались и беспорядочные грабежи местного населения. Большевистские авторы обвиняют в них махновцев. Махно придерживается на этот счет другой версии: «На самом деле я за грабежи, как и за насилие вообще, расстреливал всех. Конечно, среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики арестовали и скрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т. д. Но зато эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили оружие». 93 Из этого следует, что большевики вместе с Махно боролись с грабежами. Никто из большевистских авторов не отрицает, что Махно беспощадно расправлялся с пойманными грабителями. Чьи бойцы в большей степени виновны в грабежах — большевистские или махновские — установить, видимо, уже не удастся. Во всяком случае, даже большевистские авторы признают, что их Павлоградский полк изрядно «разложился» 94, от этого не были гарантированы и более свежие отряды большевиков.

Махновский штаб предпринимал меры к тому, чтобы нейтрализовать неблагоприятное воздействие грабежей на настроение горожан. Было выпущено воззвание Махно к ним, в котором говорилось: «При занятии города Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях города усилились грабежи, разбои и насилие. Творится ли эта вакханалия в силу определенных социальных условий или это черное дело совершается контрреволюционными элементами с целью провокации, во всяком случае это делается. И часто делается именем славных партизан-Махновцев, борющихся за независимую, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства. Чтобы предотвратить этот разгул пошлости, совершаемый бесчестными людьми, позорящими всех честных революционеров, не удовлетворяющимися светлыми завоеваниями революционного народа. Я именем партизанов всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои и насилие ни в коем случае допущены не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной пресекаться в корне». 95 Это заявление было подкреплено угрозой расстрелов, которая незамедлительно стала приводиться в действие. Крутые меры Махно против грабителей дали результат — даже враждебные махновцам мемуаристы признают, что в этот раз нападавшим «не удалось...как следует пограбить города». 96

Приведенный выше фрагмент воззвания Махно характерен и еще в одном отношении — он демонстрирует представления Махно об источнике его власти. Это революция и повстанцы. Пока Махно готов отчитываться в своих действиях прежде всего перед армией, а не перед населением. Позднее, когда вновь станут формироваться гражданские структуры движения, положение изменится.

Махно направил большевистские части на подступы к Екатеринославу. Это была ошибка, которая дорого стоила повстанцам. Большевистские отряды были разбавлены большим числом новобранцев и уступали повстанцам в боеспособности. Подошедшие под Новый год свежие петлюровские части прорвали фронт и одним ударом выбили махновцев из города. 97 Неудачливым союзникам оставалось лишь обвинять друг друга в поражении. Из

Екатеринослава Махно сумел вывести лишь около 200 бойцов. 98

Первый опыт взаимодействия с коммунистами оставил у Махно отрицательное впечатление об этой партии: «они не сохраняют позиции, а держатся власти и думают, что за них кто будет воевать», — говорил он Чубенко, — «Когда он занял Екатеринослав, совместно с коммунистами, то они не (стремились удержать) город, а старались сорганизовать ревком».

99 По воспоминаниям Г. Колоса Махно «ругал большевиков и говорил, что нужно к черту поразгонять все большевистские штабы», воспринимая их уже как противников в борьбе за повстанчество. 100

Отступив за Днепр, Махно не допустил петлюровцев в свою зону. Западная граница махновского района стабилизировалась.

Примечания

1. Махно Н. Российская революция на Украине. С. 51-52.
2. Там же. С. 11.
3. Там же, С. 12-57
4. Там же, С. 43.
5. Там же, С. 70-71.
6. Там же, С. 77.
7. «Народне життя». 17 вересня 1917.
8. Махно Н. ук. соч. 63-70.
9. Там же, С. 73-74.
10. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 7.
11. Там же, Л. 120-121.
12. Там же, Л. 127.
13. Там же, Л. 123.
14. Там же, Л. 126.
15. Там же, Л. 137.
16. Там же, Л. 139.
17. ГАЗО, Ф. Р 342, Оп. 1, Д. 1, Л. 48.
18. ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 131, 139.
19. Там же, Л. 138.
20. Там же, Л. 127.
21. Там же, Л. 136.
22. Там же, Л. 124.
23. Махно Н. ук. соч. С. 162.
24. Там же, С. 77.
25. P. Avrich. *The Russian Anarchists*. Princeton, 1967; A. Skirda. *Les Anarchistes dans la revolution russe*. Paris, 1973; Наумов Л. Питерские анархо-коммунисты. // «Община». N 45. 1990; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991.
26. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 34.
27. V. Voline. *The Unknow Revolution 1917-1921*. L, 1974. P. 209.

28. Op. cit. P. 215–216.
29. Op. cit. P. 219.
30. Op. cit. P. 235.
31. Махно Н. ук. соч. С. 111.
32. Skirda A. Op. cit. P. 378.
33. Волковинский В. Н. ук. соч. С. 34.
34. Махно Н. ук. соч. С. 110.
35. Там же, С. 112–134.
36. Там же, С. 145.
37. Skirda A. Op. cit. P. 58.
38. Махно Н. ук. соч. С. 91, 173–176.
39. ГАЗО, Ф. Р-342, Оп. 1, Д. 1, Л. 42.
40. Там же, Л. 43.
41. Там же, Л. 42.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же.
46. Там же, Л. 42 ЧЗ.
47. Там же, Л. 42.
48. Там же, Л. 43.
49. Там же, Л. 42.
50. Там же, Л. 42–43.
51. Там же, Л. 42.
52. Махно Н. Ук. соч. С. 155
53. Тепер И. ук. соч. С 26.
54. Махно Н. Ук. соч. С. 182–191.
55. Там же, С. 192
56. Там же, С. 148–149.
57. Гончарок М. Ук. соч. С. 36.
58. Махно Н. ук. соч. С. 206.
59. Там же. С. 149.
60. Махно Н. Под ударами контрреволюции. С. 11.
61. Там же, С. 35.
62. Там же, С. 109.
63. Там же, С. 110.
64. «Анархический вестник», 1923, N1, С. 25.
65. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 2.
66. Махно Н. Под ударами...С. 125.
67. Там же, С. 127.
68. Там же, С. 131.
69. Там же, С. 132–133.
70. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 4.
71. Там же, Л. 7.
72. V. Voline. Op. cit. P. 563.
73. Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1990, С. 47.

74. Махно Н. Украинская революция. С. 112.
75. Книжник И. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // «Красная летопись». 1922. N 4. С. 33.
76. Махно Н. ук. соч. С. 106.
77. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 12.
78. Там же, Д. 153, Л. 27.
79. Махно Н. ук. соч. С. 108.
80. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 29.
81. Махно Н. ук. соч. С. 150.
82. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 11.
83. «Приднестровский край». 10. 12. 1918.
84. Пятая годовщина Октябрьской революции. С. 180.
85. Кубанин М. ук. соч. С. 41.
86. Махно Н. Махновщина и ее бывшие союзники-большевики. С. 7.
87. Пятая годовщина...С. 188.
88. Там же, С. 180.
89. Махно Н. Махновщина...С. 8-9.
90. Там же, С. 11.
91. Пятая годовщина...С. 180.
92. Махно Н. Махновщина...С. 10.
93. Там же, С. 12.
94. Пятая годовщина...С. 170.
95. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 153, Л. 91-90.
96. Архив русской революции, Т. 3. Берлин, 1922, С. 239.
97. Махно Н. Махновщина...С. 14.
98. ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 11.
99. Там же, Л. 21.
100. Колос Г. А. ук. соч. с. 43. Вот ваш список с удалённой первой точкой в каждом первом предложении каждой новой строки (только первой точки, остальные точки остаются без изменений):

1 Махно Н. Российская революция на Украине. С. 51-52.

2 Там же. С. 11.

3 Там же, С. 12-57

4 Там же, С. 43.

5 Там же, С. 70-71.

6 Там же, С. 77.

7 «Народне життя». 17 вересня 1917.

8 Махно Н. ук. соч. 63-70.

9 Там же, С. 73–74.

10 ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 7.

11 Там же, Л. 120–121.

12 Там же, Л. 127.

13 Там же, Л. 123.

14 Там же, Л. 126.

15 Там же, Л. 137.

16 Там же, Л. 139.

17 ГАЗО, Ф. Р 342, Оп. 1, Д. 1, Л. 48.

18 ГАЗО, Ф. Р-1058, Оп. 1, Д. 1, Л. 131, 139.

19 Там же, Л. 138.

20 Там же, Л. 127.

21 Там же, Л. 136.

22 Там же, Л. 124.

23 Махно Н. ук. соч. С. 162.

24 Там же, С. 77.

25 P. Avrich. *The Russian Anarchists*. Princeton, 1967; A. Skirda. *Les Anarchistes dans la revolution russe*. Paris, 1973; Наумов Л. Питерские анархо-коммунисты. // «Община». N 45. 1990; Суханов Н. Н. *Записки о революции*. Т. 2. М., 1991.

26 *Гражданская война и иностранная интервенция в СССР*. Энциклопедия. М., 1987. С. 34.

27 V. Voline. *The Unknow Revolution 1917–1921*. L, 1974. P. 209.

28 *Op. cit.* P. 215–216.

29 *Op. cit.* P. 219.

30 *Op. cit.* P. 235.

31 Махно Н. ук. соч. С. 111.

32 Skirda A. Op. cit. P. 378.

33 Волковинский В. Н. ук. соч. С. 34.

34 Махно Н. ук. соч. С. 110.

35 Там же, С. 112–134.

36 Там же, С. 145.

37 Skirda A. Op. cit. P. 58.

38 Махно Н. ук. соч. С. 91, 173–176.

39 ГАЗО, Ф. Р-342, Оп. 1, Д. 1, Л. 42.

40 Там же, Л. 43.

41 Там же, Л. 42.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же.

45 Там же.

46 Там же, Л. 42 ЧЗ.

47 Там же, Л. 42.

48 Там же, Л. 43.

49 Там же, Л. 42.

50 Там же, Л. 42–43.

51 Там же, Л. 42.

52 Махно Н. Ук. соч. С. 155

53 Тепер И. ук. соч. С 26.

54 Махно Н. Ук. соч. С. 182–191.

55 Там же, С. 192

- 56 Там же, С. 148-149.
- 57 Гончарок М. Ук. соч. С. 36.
- 58 Махно Н. ук. соч. С. 206.
- 59 Там же. С. 149.
- 60 Махно Н. Под ударами контрреволюции. С. 11.
- 61 Там же, С. 35.
- 62 Там же, С. 109.
- 63 Там же, С. 110.
- 64 «Анархический вестник», 1923, N1, С. 25.
- 65 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 2.
- 66 Махно Н. Под ударами...С. 125.
- 67 Там же, С. 127.
- 68 Там же, С. 131.
- 69 Там же, С. 132-133.
- 70 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 4.
- 71 Там же, Л. 7.
- 72 V. Voline. Op. cit. P. 563.
- 73 Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1990, С. 47.
- 74 Махно Н. Украинская революция. С. 112.
- 75 Книжник И. Воспоминания о П. А. Кропоткине и об одной эмигрантской группе // «Красная летопись». 1922. N 4. С. 33.
- 76 Махно Н. ук. соч. С. 106.
- 77 ЦДАГОУ. Ф. 5, Оп. 1, Д. 274, Л. 12.
- 78 Там же, Д. 153, Л. 27.
- 79 Махно Н. ук. соч. С. 108.

